

864 625

Н.И. Плюснина

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
КОММУНА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ

Томск
1920

1283

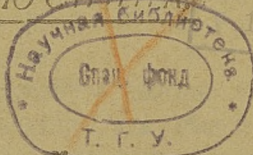
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

98815

Н. И. ПЛЮСНИНА

ПРОВЕРЕНО
1957 г.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
≡ КОММУНА ≡
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Томское Управление Государственного Издательства
„Центр печати“.

1920.

334 (c) (03)

1242

ТОМСК.
Народная Типография № 2.
1920

Сельско-хозяйственная коммуна и ее значение.

Сельско-хозяйственная коммуна или коммуна, как ее называют украинские крестьяне, в том виде, в каком она возникла в прошлом году в Р. С. Ф. С. Р., является новой формой сельского хозяйства.

Конечно, и раньше в деревне бывали попытки объединять свои силы и свой инвентарь для общей работы. Супруги встречались и в Великороссии и на Украине. Но супруга, являясь зародышем коммуны, очень отличается от последней по существу.

При супруге 2—3 батняка соединяют имеющийся у них инвентарь и по очереди обрабатывают свои поля.

Но поля остаются в единичном пользовании каждого из них; межи сохраняются, и урожай на каждом поле идет в пользование только в пользу земли. Одним словом остается в силе частная собственность на землю, орудия и продукты труда.

Не то в коммуне. Объединяясь в коммуну, трудящиеся отказываются от личной собственности, у них „все принадлежит всем, и никто ничего не называет своим“.

Земля, орудия, продовольствие и жилища являются общим достоянием коммуны, где нет слово „мое“, а есть слово „наше“.

Неудреко, поэтому, что коммуны начали возникать в Великороссии после Октябрьской Революции, а на Украине лишь теперь, после восстановления Советской власти.

Только эта власть, уничтожив капитализм, дала возможность зародиться коммуна, таким, как они возникли и какими они должны быть.

Февральская революция 1917 года обрела монархический строй, позволила политический переход, но социальный

864625

был только намечен, — вопрос об уничтожении частной собственности на орудия производства — землю, фабрики, банки, — был только поставлен Революцией, но решение его откладывалось в долгий ящик, так как буржуазия и соглашатели, шедшие с первой рукой об руку, были далеко не склонны отобрать землю и фабрики из рук тех, кто посредством них держал в рабстве весь трудовой люд.

Рабоче-крестьянская власть, одержав победу над капиталистами в октябре, провозгласила громадный социальный переворот, отменив навсегда право частной собственности на землю и предоставив ее в пользование всем тем, кто будет сам ее обрабатывать. Таким образом, сбылись слова „Интернационала“ — „лишь мы, работники всемирной великой армии труда, владеть землей имеем право а паразиты никогда“.

Но объявить право каждого трудящегося на пользование землей было недостаточно, надо еще было дать каждому возможность воспользоваться этим правом. Эта вторая задача оказалась труднее первой.

Закон о социализации земли, опубликованный год тому назад, отменил собственность на землю, дал целый ряд указаний, кто в какой последовательности имеет право получить землю по трудовой или по потребителю и норме, но он только поставил земельный вопрос в деревне, а совсем не решил его.

Все малоземельные крестьяне и многие рабочие, не совсем еще порвавшие с землей, думали, что стоит разделить уравнилельно всю бывшую помещичью, казенную, церковную и т. д. землю, как всем ее будет достаточно, и все станут самостоятельными хозяевами. Действительность жестоко обманула эти надежды: в большинстве малоземельных губерний, где земельный голод был наиболее силен, прирезка оказалась очень невелика, например: вместо полос по 1½ сажени шириной у крестьян оказались полосы в 2—2½ сажени. Толку от этого вышло мало — оставалось та же чересполосица и усложнения, которые еще раньше надвигались на крестьянство.

Более внимательное распределение оказалось выгодным только

сильным многочисленным семьям, которые и до прирезки имели много земли, достаточно скота и инвентаря.

Но и помимо ускополосицы пол жение беднейшего крестьянства нисколько не улучшилось от прирезки, потому что ему нечем было обрабатывать землю.

Продолжительная мировая бойня обессилила крестьянство во всех воюющих странах, всего больше, конечно, в странах чисто сельскохозяйственных, какой является Россия. Миллионы рабочих рук и голов скота были оторваны от земли и брошены в вихорь мировой империалистической свалки, вызванной конкуренцией капиталистов разных стран. Многие не вернулись из этой свалки, многие вернулись неспособными к труду, — калеками, слепыми, больными. Ясно, что земледелие страшно пострадало от этого.

В России всегда земля обрабатывалась плохо. Нигде в мире нет такой низкой урожайности, как в России, хотя она и является сельскохозяйственной страной. У нас десятина крестьянской земли дает 40—50 пудов зерна, тогда как в большинстве западно-европейских стран она дает от 100 до 150 пудов, а в Дании даже 200 пудов. Мне возразят на это, что Россия кормила своим хлебом всю Европу. Это правда, в России добывалось до 4 миллиарда разных хлебов и до 600 миллионов вывозилось за границу.

Но мы вывозили не излишки, а у голодных ртов отнимали кусок, чтобы продать его спекулянту для отправки за границу.

В очень многих губерниях Великороссии и Украины из года в год не доедали, принимали к муке солому, крапиву, кору и т. п., чтобы как-нибудь дотянуть до нового урожая.

И немудрено: не успеют крестьяне смолотить новый хлеб, как с них требовали подати, налоги, выкупные платежи и т. д., и вот везут они свой хлеб на базар, чтобы продать его дешево, а с половины зимы сами покупают его в тридорога или занимают у булаков, забавляя себя таким образом.

Даже помещичьи земли обрабатывались у нас много хуже, чем за границей, о крестьянских и говорить нечего: крестьянство не имело ни знаний, ни средств для хорошей обработки, — у большинства из них было слишком мало скота, а следовательно мало навоза для удобрения; и земля, засеваемая из года в год без достаточного и умелого удобрения, все меньше и меньше давала хлеба. Получался заколдованный круг: нет денег, чтобы удобрить землю, и мало хлеба, чтобы выручить нужные деньги. Но даже и при удобрении, земля обрабатывалась праделовской сохой, зерно сеялось ручным способом и растеривалось, потому что на узкой полосе, в 1—1/2—2 сажни шириной, невозможно пользоваться орудиями лучшими, чем самые примитивные.

Так велось наше сельское хозяйство в нормальное время, а за войну оно, конечно, еще больше ухудшилось. Часть земли оставалась незасеянной за недостатком зерна и рабочих рук и лошадей, остальная была кое-как обр. богатыми жителями и подростками, и часто с нее еле-еле собирали семена или урожай сам 2—3.

Война расшатала все старые устои деревни, многое переменялось в ней, и классовая рознь обнаружилась с той же почти силой, как и в городе. Среднее крестьянство обеднело больше, а меньшинство, зажиточное и до войны, разбогатело, нажившись на военных поставках. Таким образом и в деревне образовалась буржуазия и полупролетариат.

Пред обедневшим крестьянством, солдатами, вярнувшимися с фронта, и рабочими позакрывавшихся фабрик встал вопрос, как восстановить свое хозяйство. Прирезку они получили. Но что же с ней делать? Голыми руками землю не обработаешь, без семян не засеешь! Да и стоит ли засеивать, если земля не может даже прокормить землероба. Ясно было, что вести дальше хозяйство так, как оно велось прежде, невозможно, надо было придумать что-нибудь другое. Ясно было, чтобы прокормиться от земли, необходимо поднять ее урожайность, расширить посевную площадь, развить производитель-

есть пашни. Но как это сделать? Применить улучшенную обработку, удобрения, хорошие машины? Но на полосе, в 1—1/2—сажени шириной, машинами пользоваться нельзя. Вспахать землю нечем. Еще до войны в некоторых местах России было до 40% безлошадных, т. е. 40 дворов из ста совсем не имели лошадей, и 27 дворов из ста не имели коров. Что же делать с землей при таких условиях? Ити к богатому навять или выпросить у него лошадь, купить у него семена? Но богатый, видя, что бедняку без него не обойтись, запрашивает огромную цену. Таким образом деревенской бедности остается только или бросить опять землю и ити в город годовать, или соединить свое малое с малым же своих соседей ишей по положению,—авось удастся сообща наладить то, что не по силам одному! И вот у бедноты явилась мысль объединиться в коммуны, соединить в одно свои узкие полосы, собрать вместе весь инвентарь, имеющийся у тех, кто вступает в коммуны и обрабатывать землю сообща.

Таким образом зародились в Великороссии первые коммуны год тому назад.

Но почему же в коммуны смогут вести хозяйство те же самые бедняки, которые не могли наладить его в одиночку? Да потому, что вместо крошечных хозяйств одиночников образовалось крупное, коллективное хозяйство, а такое всегда выгоднее и производительнее мелкого.

Возьмем сто мелких хозяйств, у которых имеется по десятине пашни в трех полях: после каждой полосы—межа в 1/2 аршина, при ста полосах в каждом поле пропадает 16 сажень, а в трех—целых 48. На узкой полосе посев производится рукой—часть зерна попадает на межи и пропадает, другая часть ложится неровно,—где густо, где пусто, и хлеб вырастает неровный, с плеснями.

Каждый домохозяин выезжает на свою полосу.—стало быть заняты 100 человек, сто лошадей и сто сох; сто лошадей надо кормить, сто сох чинить и точить; возвращается пахарь с поля, каждый должен убрать свою лошадь. Какая

масса труда тратится понапрасну! А в довершение всего на узкой полоске нельзя завести многопольную обработку.— придется по-прежнему трехполье, и третья часть земли пустует каждый год под черным паром.

Не то при крупном хозяйстве: уничтожим межи, соедем вместе все сто полос всех трех полей и мы получим уже порядочную земельную площадь в сто десятин, на ней можно завести 5-ти или 6-ти летний севооборот при котором лишь раз в 5 или 6 лет будет пустовать пятая или шестая часть земли, следовательно увеличится посевная площадь; далее заведем травосеяние, можно будет уменьшить количество лугов и часть их обработать под пашню. На таком довольно большом куске земли можно уже воспользоваться машинами,—вспахать хорошим пароконным плугом, сборошить ружьяной или дисковой борной, засеять рядовой сеялкой, причем зерно ложится правильными рядами, оно не пронападает понапрасну, и хлеб растет ровный. Сжат он будет жнейкой и т. д.

И какая масса человеческого труда и животных сэкономится при этом!

Чтобы вспахать сто десятин нужно не сто лошадей, а всего—10—15 в зависимости от почвы, при вспашке пароконным плугом, десятину можно вспахать в $1\frac{1}{3}$ — $1\frac{1}{2}$ дня, при чем достаточно 16—20 человек на сто десятин, и работа рук нужна меньше и сама работа легче и скорее делается,—один человек может вспахать десятину сохой в 4—5 дней, тогда как один человек пароконным плугом вспашет в 1 с третью—в полтора дня. Чтобы сжать десятину ржи серпом нужно 5—6 дней, тогда как жейка сожмет до 5 десятин в день.

Молотилка 4-х лошадная обмолачивает от 40 до 60 коп в день, при чем при ней занято 8 человек, тогда как 8 человек намолотят цепом всего от 12 до 16 копен. Паровая же молотилка может обмолотить от 90 до 150 копен в день при 20 работниках. Да и урожай при хорошей обработке будет лучше,—при вспашке пароконным плугом урожай повы-

шается на 15%, т. е. вместо 50 пудов десятина даст 57½, а при посеве рядовой сеялкой десятина даст еще на 15% больше, т. е. уже 65 пудов вместо 50, при молотилке ценом около 1/5 зерна остается в колосе, так что при пользовании хорошей конной молотилкой зерна намолотится на 1/5 часть больше, т. е. вместо 100 пудов получится 120.

Таким образом при хорошей обработке крупной земельной площади, производительность ее может увеличиться в 3—4 раза, и вместо 50 пудов десятина будет давать 150 или даже 200 пудов, как в Дании.

Вот как велики преимущества крупного хозяйства. Прежде все эти преимущества шли в карман собственника земли — помещика, теперь помещиков нет — и все выгоды крупного хозяйства в земледелии должны идти в пользу всех трудящихся, в пользу всей нашей Советской Республики.

В Великороссии время распыления земли прошло. Сами крестьяне, не только бедняки, но и средние, поняли, что уравнильное распределение земли не решило земельного вопроса, не исправило сельско хозяйственной разрухи, не дало хлеба населению. Много земли было распылено, раскрошено на мелкие полоски, и эта уравнильность не повысила, а, наоборот, понизила производительность земли, и хлеба стало меньше, чем было до распределения.

Таким образом в Великороссии жизнь показала самым престыжным, что уравнильное распределение не дало им того, на что они надеялись.

Они поняли, что для восстановления сельского хозяйства надо не дробить землю, а собирать ее, и, что они сами могут это сделать, объединяя для коллективной обработки землю. Сама жизнь натолкнула их на эту мысль, и они стали создавать коммуны, объединяя свои полосы и весь свой инвентарь.

Украина должна использовать опыт Великороссии и по возможности избежать раздробления на мелкие куски крупных помещичьих хозяйств, которых здесь так много.

Для пользы всей Украины, эти хозяйства должны сохра-

читься пелугом и обрабатываться коллективами (спилками, гуртками)—артелями или коммунами.

Коммуна—это добровольное объединение трудящихся не только для общей работы, но и для общей жизни для коммунистической обработки земли и для коммунистического же распределения продуктов труда. Организуясь на бывшей помещичьей или, еще лучше, на своей наделной земле, коммунары получают в пользование большой участок земли, и могут сразу создать крупное, хорошо поставленное производственное хозяйство. Хозяйство это должно быть такое, какое наиболее подходит к почве, климату и другим географическим условиям данного места. Нет надобности каждой коммуне производить только зерно: часто случается, что крестьяне упорно производят только хлеб, который из года в год почему либо не родится или дает урожай сам 2—3, так как крестьяне не знают причины неурожая, то и продолжают упорно свою непроизводительную работу, между тем возможно, что на данной почве, при данных условиях может с успехом применяться какойнибудь другой тип хозяйства.

Для того, чтобы определить, какой тип соответствует почве и климату данного места, надо, чтобы агроном исследовал почву, а опытная станция произвела опыты разведения на данной почве иных растений, кроме хлеба. Например: возможно, что на месте, где хлеб дает сам 2—3, огородничество или садоводство даст хорошие результаты; в таком случае коммуна придется сеять хлеб только для собственного прокормления, да и то только до тех пор, пока нельзя наладить товарообмена с другими коммунами, производящими зерно, а все свои силы направить на развитие той отрасли хозяйства, которая является наиболее выгодной.

Но сама коммуна не может решить этого вопроса отдельно. Во первых, в ней вряд ли найдутся достаточно знающие люди, которые могли бы произвести все нужные исследования почвы, наблюдения над климатом и т. п. Таких специалистов может иметь только Народный Комиссариат Земледелия или

местные Губземотделы, да и нельзя решить в каждой коммунально-отдельно вопроса о том, какой тип хозяйства подходит для данной местности, — ведь каждая коммуна знает только свой участок, тогда как вопрос о выборе типа хозяйства важен для всех коммун данной местности. Поэтому только Губземотдел имеет возможность правильно распределить по губернии разные типы хозяйства, он должен через агрономов и ученых, определить, какие продукты выгодно производить в разных частях губернии для того, чтобы почва дала как можно больше тех или иных предметов первой необходимости. Губземотдел решает, сколько верховых, молочных, садовых, огородных и т. п. хозяйств должно быть в губернии для того, чтобы ни один клочок земли не пропадал даром, а дал бы все, что он может дать. „Нет плохой земли“, сказал один коммунар, „а есть плохая обработка“, так как земля, плохая для одного типа хозяйства, может оказаться хорошей для другого.

В такой общегубернский план распределения хозяйственных отраслей по губернии входят и коммуны. На основании этого плана, одна будет производить зерно, другая племенной скот, третья свини или молочные продукты и т. д.; в интересах самих коммун подчиниться этому плану, а на обязанности Губземотделов будет лежать наладить товарообмен между такими специализированными коммунами.

Конечно, такая специализация во всей полноте не может быть проведена немедленно, — для этого у Комиссариата Земледелия нет достаточно агрономов и машин, необходимых для широкого ее применения, но к ней надо стремиться, и теперь же каждая коммуна должна приваривать тип налаживающегося хозяйства к почвенным и климатическим условиям; благодаря этому, коммуна будет представлять собой отдельную группу людей, ничем не связанную ни с другими коммунами, ни с Советскими Учреждениями.

Такое положение ненормально и недопустимо: коммуна должна быть частью одного целого общенародного советского организма: советская власть в лице Уездотделов, Губземотде-

ков и Народного Комиссариата Земледелия дает коммуне землю, предоставляет ей в пользование живой и мертвый инвентарь, снабжает семенами и агрономической помощью, благодаря чему коммуна сможет развить именно те отрасли хозяйства, которые выгодны именно в данной коммуне и принесут наиболее пользы всей стране. Каждая коммуна должна существовать не для блага своих членов только, а для пользы всей Советской Республики.

Если коммуна замыкнется в себе, будет работать только для пользы своих членов, то она перестанет быть коммуной. Коммуна есть отрицание собственности не только личной, но и групповой. Группа людей, сообща ведущих какое либо производство, совсем не является коммуной, если их работа доставляет благо только членам этой группы, потому что каждый синдикат является такой группой.

И капиталисты объединялись между собой и образовывали товарищества и синдикаты, чтобы сообща эксплуатировать трудящихся и делать между собой барыши, тем не менее они оставались капиталистами и собственниками, лишь собственность их носила групповой характер, и ни в каком случае не являлась коммуной.

Коммуной может называться только такая группа людей, которая работает для пользы всей Советской Республики, как ее неотделимая часть. Поэтому каждая коммуна, работая по выработанному Губземотделом плану, получив от него же орудия производства, а часто и продовольствие, ему же передаст на учет все продукты своего труда, он отделяет ей по установленной норме необходимые для ее существования продукты, передает излишки в продовольственные советские организации, а коммуны снабжает теми продуктами, которые данная коммуна не производит. Лишь при таких условиях коммуна будет действительно социалистична и явится рассадником коммунистических идей в деревне.

Коммуна не должна оставаться изолированной. Мы видели уже, что один человек не в состоянии устроить хорошее сель-

ное хозяйство, а объединяется для этого с другими лицами и образует коммуны, действуя по пословице „дружно — не грузно, а врозь хоть брось“. Но по мере развития хозяйства коммуны, она убедится, что есть производства, которые не под силу одной. Напр., несколько коммун расположены при реке, каждая из них нуждается в мельнице, но ни одна не в силах ее оборудовать, как следует, они объединяются, составляют союз коммун, обща, устраивают хорошую сильную мельницу, способную обслужить не только коммуны, но и все окрестное население; тоже самое можно сказать и о культурно-просветительной деятельности коммун. Одна коммуна может открыть у себя начальную школу, а союз коммун в состоянии организовать университет или высшую сельскохозяйственную школу. Такие союзы коммун должны постепенно образовываться везде, в таких объединенных коммунах гораздо легче организовать товарообмен продуктами, производимыми каждой из них. Такие объединения могут быть сперва по волостям или по районам, там, где рамки волости не отвечают потребностям хозяйства, затем волостные союзы объединяются в уездные, а уездные союзы в губернские федерации коммун. Примеры такого коммунального объединения налицо: в Самарской губернии имеется несколько таких волостных объединений коммун, из которых в каждую входит по 8—10 тысяч человек.

Такие объединенные коммуны смогут широко поставить и обрабатывающую промышленность, приблизив фабрику к земледелию.

В настоящее время вопрос об обрабатывающей промышленности в коммуне получил очень важное значение: вследствие падения производительности труда, недостатка сырых материалов и расстройства транспорта, город не в состоянии давать деревне предметы первой необходимости в достаточном количестве. В деревне нет обуви и одежды, гвоздей, колес, подков, нет сельскохозяйственных машин и орудий. Естественно является стремление попытаться производить необходимые предметы на месте, в деревне же и коммуны часто

являются таковыми производителями. Большинство существующих в Волжской губернии коммун смешанные, т. е. состоят из земледельцев и ремесленников разного рода из бывших городских рабочих. Чтобы использовать труд таких своих членов, особенно в зимнее время, многие коммуны открывают разные мастерские. — слесарные, кузнечные, столярные, сапожные и т. п., которые обслуживают как членов коммуны, так и окрестное население. В таких мастерских починяют сельскохозяйственные машины, делают сельскохозяйственные орудия и разные инструменты, а также и другие предметы домашнего обихода.

Когда 1-ая Петроградская коммуна открыла ремонтную мастерскую в Иркутской губернии, то в нее понесли для починки всевозможные вещи, начиная с плуга, кончая ружьями и часами.

Но сейчас—это мелкие мастерские, чисто кустарного типа; они необходимы теперь для того, чтобы хоть отчасти удовлетворить нужду в предметах первой необходимости в деревне, но, как всякие маленькие мастерские, они не производительны и мало выгодны—в каждой коммуне несколько человек тратят время на то, чтобы починить пару плугов и несколько самоваров, в каждой коммуне тратится для этого топливо, занимается помещение и прилагается масса усилий, чтобы добыть того или иного сырья—кожи, железа, слова и т. п. Если же несколько коммун объединятся между собой, они смогут создать одну крупную мастерскую, смогут оборудовать ее паровым, водным или электрическим двигателем, хорошими машинами и станками; они смогут легче добыть топлива и сырья и поставить таким образом дело на широкую ногу.

Такая мастерская легко превращается в фабрику. На ней будут работать члены коммуны, но их понадобится меньше, чем для нескольких мелких мастерских, и производительность ее будет гораздо больше. Таким образом обрабатывающая промышленность приблизится к добывающей,—сырые продукты,

добываемые коммуной, напр. лен, шерсть, кожа, овощи, плоды, молоко и проч. будут обрабатываться на фабрике, созданной союзом коммун.

При настоящих условиях производства сырье приходится для обработки перевозить часто весьма далеко, — напр. хлопок у нас растет в Туркестане, а текстильные фабрики находятся под Москвой, скотоводство особенно развито в южном Поволжье и в юго-западной Сибири, а хорошие фабрики для выделки кож находятся главным образом в Польше и т. д. Если бы коммуны, выращивающие хлопок, организовали общетекстильную фабрику, хлопок, перерабатываясь бы на месте и уже в виде готовых тканей распределялся по всем советским организациям.

Благодаря этому исчезнут неудобства и потери, связанные с перевозкой сырья на большие расстояния, — растреска, усышка, утечка порча и т. п. Обобществленное сельское хозяйство неминуемо примет к такому объединению добывающей и обрабатывающей промышленности которое постепенно согреет грань между городом и деревней и сошьет в одну трудовую семью крестьян и рабочих, которые в настоящее время часто враждебно смотрят друг на друга. Деревня считает себя кормилицей города и смотрит на последний как на дармоеда, который зря ест ее хлеб. Но она забывает, что если город не может обойтись без хлеба и мяса, производимого деревней, то последняя не может обойтись без соли, сахара, керосина, железа и т. п. предметов, приготовляемых городом, и что если деревня не даст городу хлеба, то и он может не дать ей предметов первой необходимости. Если рабочий не может существовать без земельного участка, то и последний не может существовать без рабочего. Объединяясь в коммуне, в общей жизни, в общем труде, крестьяне и рабочие убеждаются, что каждый из них необходим другому, и рознь между ними исчезает.

К тому же в Белороссии рабочие, в большинстве случаев, являются организаторами коммун. Рабочие, работав

на фабрике или заводе, привыкли к организованному труду, так как самые условия фабричной работы заставляют многих людей работать сообща по определенному плану; целый цех изо дня в день делает одно и то же дело, в одно и то же время, под одним и тем же руководством,—это развивает в трудящихся привычку согласовать труд каждого с требованиями этой работы. Наконец и помимо рабочего времени трудящиеся в обрабатывающей промышленности чаще действуют сообща, чем земледельцы, они сообща отстаивали свои интересы, боролись за повышение заработной платы и улучшение условий труда. Тогда как земледельцы—единоличники,—наоборот, действуют отдельно—каждый провозит дьяк у себя—в доме, на поле один или со своей семьей только; работает тоже в одиночку, приварывая свою работу к своим личным потребностям, независимо от того, как распределяется работа его соседей. Общих с односельчанами интересов у него меньше, чем у фабричного рабочего, а потому меньше и причин, побуждающих к совместным действиям и общей работе.

Этим объясняется то обстоятельство, что организаторами коммун в Великороссии были в большинстве случаев городские рабочие, вернувшиеся к земле, или солдаты, пришедшие с фронта. Но принимаясь за организацию коммуны, будущие коммунары не всегда ясно представляют себе, что такое коммуна и как ее устроить.

Коммуна, как уже было сказано выше, есть добровольный союз трудящихся, соединившихся между собой для совместной жизни и для общего производительного труда. Коммуна есть отрицание частной собственности. Значит, если группа людей решила сообща обрабатывать свою землю или сообща устроить какое-нибудь предприятие,—это еще не будет коммуна. В коммуне люди соединяются на долгий срок и на определенных условиях, которым они должны подчинить и свою работу и свою личную жизнь.

Поэтому члены коммуны должны быть связаны определенным уставом, т. е. ими должны быть выработаны извест-

ные условия общей жизни и общей работы, и лица, вступающие в коммуны, должны принять эти условия и взять на себя обязательство им подчиняться. Следовательно, первым шагом вновь организующейся коммуны должна быть совместная выработка устава. Примерный устав, выработанный Отделением Коммун Народного Комиссариата Земледелия, должен быть рассмотрен, обсужден и принят группой будущих коммунаров с теми изменениями или дополнениями, которые эта группа найдет нужным внести.

Выработанный таким образом устав должен быть подписан лицами, принявшими его, и вместе со списком этих лиц должен быть представлен на утверждение в Уездный Земельный Отдел. Устав должен быть представлен в 2-х экземплярах, а список членов коммуны должен быть самый подробный, с указанием возраста и профессии всех членов коммуны и членов их семей. Этот список тоже в 2-х экземплярах должен быть представлен в Уездотдел вместе с уставом.

864625
529198

Что же касается до земли, которую коммуна предполагает обихватывать, то она может быть двух родов — наделная или бывшая частновладельческая. Когда коммунары объединяются на своей наделной земле, то всего лучше было бы, если бы целая деревня вошла в коммуны, уничтожила чересполосицу, организовала бы общую жизнь и общую работу, но если невозможно, то нужно стараться собрать в коммуны как можно больше домохозяйств для того, чтобы составилась крупный участок земли. В этом случае коммунарам отводятся причитающиеся им наделы в одном клину, а их прежние наделы идут взамен тех, которые пришлись им в коммунальном поле, земля коммунарам отводится столько же, как и остальным односельчанам, так что рост коммуны возможен только за счет оставшихся на своих наделах одиноличиков: т. е. единоличники, увидав на деле преимущества колхозного хозяйства перед единоличным, будут постепенно присоединяться к коммунам; приток же принципа населения в такой коммуны невозможен, но крайней мере на первое время, так как

Центральный архив
Томского государственного университета

чет на лицо земельного фонда для наделения земель пришельцев. Но это, как я уже сказала, только на первое время: по мере того, как земля будет обрабатываться все лучше и лучше, урожайность ее будет повышаться, и она будет в состоянии прокормить большее число коммунаров, а развитие новых отраслей сельского хозяйства требует большого числа рабочих рук, и пришлые элементы явятся желанными членами коммуны.

На бывшей помещичьей, казенной, церковной или монастырской земле дело обстоит несколько иначе: там имеется уже определенное количество земли и число членов коммуны должно принаравливаться к количеству десятин земли. Например, нельзя коммуне в 25 человек занять поместье в несколько сот десятин, так как они не смогут обработать своим трудом такое большое количество земли, или наоборот — сотням людей отвесить поместье в 50 десятин, так как в такой коммуне окажется излишек рабочих рук. Но с другой стороны нельзя и высчитать землю по количеству членов, так сказать „в обрест“, так как в этом случае рост коммуны затруднится, поэтому пришлой коммуне отводится целое поместье с тем, чтобы она пополнила недостающее количество членов, принимая во внимание и рост производительности земли вследствие лучшей обработки.

Когда коммуне отводится бывшая частновладельческая земля, в ее пользование могут быть предоставлены также и имеющиеся в ней постройки и инвентарь, с обязательством использовать их наилучшим способом.

Заручившись таким образом землей, коммуна регистрируется Уездотделом и становится правомочной организацией, работающей под контролем Советской Власти.

Организовавшись, коммуна должна выработать план хозяйства, причем она обязана ввести многопольную систему обработки земли, и представить этот план на рассмотрение губернского Земельного Офиса, который принаравливает его

в общегубернскому хозяйственному плану, одобряет или изменяет и передает коммуне для руководства.

За правильным проведением в жизнь хозяйственного плана должен следить агроном, на обязанности которого лежит помочь коммунам наилучшим способом осуществить этот план. Если среди членов коммуны нет агронома, то агрономическая помощь должна им оказываться уездными или губернскими агрономами.

Так как коммуна является частью государственного организма, та естественно, чтобы государство пришло ей на помощь в ее нуждах и затруднениях. Такая помощь оказывается государством в виде посылки агрономов и инструкторов для организационной и хозяйственной помощи коммунам, а также в виде ссуд на приобретение необходимых коммунальным предметам. Такие ссуды могут быть краткосрочные и долгосрочные и выдаются коммунам через Уездотдел, которые представляют сметы всех коммун своего уезда в Губземотдел и получают от него ассигновку на весь уезд. Непосредственно из Народного Комиссариата отдельным коммунальным ссуды не выдаются, а средства отпускаются на всю губернию, Губземотдел разассигновывает их по уездам. Ссуды должны возвращаться продуктами. Сроки возврата ссуд устанавливаются Губземотделами по соглашению с Уездотделами. Безвозвратные пособия не выдаются вовсе: коммуна—организация производящая и не должна пользоваться подачками, она должна отдать стране, т. е. всем трудящимся, народные средства, полученные от государства. Но возврат ссуды должен, конечно, соотноситься с экономическим положением коммуны и должен быть оговорен, если коммуна еще не успела прочно стать на ноги.

Когда коммуна зарегистрирована и утверждена, ей остается приняться за работу на тех принципах, о которых говорилось выше, но ей придется также выработать нечто вроде напечатанной внутренней конституции, т. е. ряд правил для внутреннего уклада жизни. Все члены коммуны должны подчи-

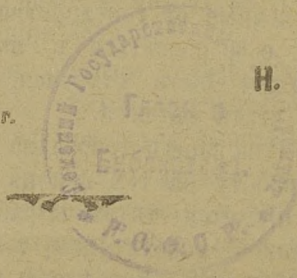
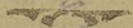
няться руководству выбранного ими совета коммуны, завести между собой строгую трудовую дисциплину, поддерживаемую сознанием важности общей работы и необходимости поставять хозяйство коммуны на должную высоту. Каждый член коммуны, работая, должен сознавать, что, трудясь для общего блага всей коммуны, он работает и для себя и для всех — все за одного и один за всех. Чем производительней будет коммуна, тем большее количество потребностей ее членов будет удовлетворено; чем лучше пойдет хозяйство каждой коммуны, тем заразительнее будет ее пример для соседей и тем больше коммуна будет зарождаться вокруг нее и она послужит ячейкой социалистического строительства.

Конечно, не везде экономические условия подготовили массы к идее коммунальной жизни и работы, — есть места, где эти идеи прививаются туго, и массы не доспели еще до мысли об отказе от личной собственности; в таких случаях вместо коммуны возникают переходные формы — трудовые артели, коммунальные артели, а кое-где наблюдаются случаи общественной обработки в широких размерах.

Общественная обработка — это первая ступень коллективного хозяйства, на которую пойдут и среднее крестьянство, боящиеся коммуны, и даже деревенские богатеи будут вынуждены согласиться на нее, если большинство граждан деревни решит перейти к общественной обработке всей земельной деревни, но об этих переходных формах коллективного хозяйства я говорю в следующей брошюре.

Н. Плюснина.

Елов, 18-го Февраля 1919 г.

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00865384